

Образ одной из самых знаменитых актрис мирового кино - Мэрилин Монро (1926-1962) - продолжает волновать миллионы людей. По-прежнему с неослабным вниманием идут фильмы с ее участием, ее творчеству и трагической судьбе посвящаются все новые и новые книги. Но вот удивительно - и об этом знают далеко не все, - ни один из ее фильмов не стал событием в киноискусстве. Почему же? Дело в том, что прославил Мэрилин отнюдь не ее актерское мастерство, которое кинокритиками всегда ставилось под сомнение. Зрителям был интересен сам ее образ, ее натура. Ее жизнь, судьба, биография, характер были явлением, далеко выходящим за рамки киноискусства. Не случайно познакомиться с ней, посмотреть на живую Мэрилин Монро стремились люди, сами не обделенные известностью и вниманием публики, - вплоть до глав государств. Мало того, сегодня уже известно с большой долей вероятности, что причиной ее гибели стали обстоятельства частных отношений с президентом США Джоном Кеннеди, его братом Робертом, а также с боссом американской мафии Джанкано. Одним словом, Мэрилин и сегодня сокрыта легендами, тайнами, слухами.

Тем более важны любые новые или забытые прижизненные свидетельства о великой актрисе XX века. В архиве талантливого поэта и переводчика Аркадия Гаврилова (1931-1990) сохранился перевод текста рассказа-интервью, сделанного знаменитым американским писателем, широко у нас известным, Трумэнном Капоте (1924-1984), отрывок из которого мы предлагаем. В нем ярко и выпукло вырисовывается облик женщины-мифа. Мне кажется, что Т.Капоте как никто "схватил" человеческую неповторимость и яркость великой Мэрилин. Во всяком случае, ее непосредственность и детскость не могут не поразить читателя.

Феликс Медведев

Время: 28 апреля 1955 года. Место: церковь Универсального похоронного дома на углу Лексингтон-авеню и Пятдесят второй улицы, г. Нью-Йорк. Знаменитости из мира театра, кино, литературы пришли отдать последний долг К.Кольер, актрисе из Голливуда... Я бродил по вестибюлю церкви, дожидаясь Мэрилин, с которой мы договорились о встрече на панихиде. Она опаздывала уже на полчаса. Она всегда опаздывала, и я подумал, подожду еще немного, в последний раз. Черт бы ее побрал! И тут вдруг она вошла...

- О, малыш, мне очень жаль, извини. Но, понимаешь, я уже нарядилась и в последний момент подумала: может, все это неудобно, и наклеенные ресницы, и помада, и все остальное, и начала все смывать, а потом уже не знала, что надеть...

То, что было на ней надето и, по ее мнению, соответствовало торжественности случая, подошло бы и аббатисе женского монастыря для аудиенции у Папы Римского. Ее волосы были целиком скрыты под черным шарфом из шифона; длинное черное платье казалось заимствованным с чужого плеча; черные шелковые чулки скрадывали красоту ее стройных ног. Аббатиса, конечно же, не надела бы таких эротичных черных туфель на высоком каблуке и не нацепила бы совиные очки, которые только подчеркивали ванильную бледность свежей, как у молочницы, кожи.

- Ты выглядишь прекрасно.
- Нет, правда? (Кусая уже обкусанный ноготь большого пальца.) Я так нервничала. Где у них тут сортир? Мне бы на минуточку заскочить...

- Проглотить таблетку? Нет уж! Тссс, начинают...

Со скрытыми локонами и без всякой косметики Мэрилин была похожа на двенадцатилетнюю девочку, еще не достигшую половой зрелости девственности, только что привезенную в сиротский приют и оплакивающую свою долю... Церемония наконец-то окончилась.

- Давай посидим тут. Подождем, пока все уйдут.

- Почему?
- Я не хочу ни с кем разговаривать. Я никогда не знаю, что сказать.

- Тогда ты посиди здесь, а я подожду тебя на улице. Я хочу курить.

- Не уходи! О Боже! Кури здесь.

- Здесь? В церкви?

- А почему бы нет? Ты что собираешься курить? Травку?

- Очень смешно. Ну ладно, пошли.

- Ну пожалуйста. Там еще полно фотографов. Я не хочу, чтобы меня снимали в таком виде.

- Могу тебя понять.

- Но ты же сам сказал, что я выгляжу прекрасно.

- Ты выглядишь прекрасно для роли невесты чудовища Франкенштейна.

- Теперь ты смеешься надо мной.

- Разве я смеюсь?

- Ты про себя смеешься. А это хуже, чем если бы ты смеялся открыто. (Хмурится, кусая ноготь.) Конечно, мне не стоило смывать грим. Все пришли накрашенные.

- Я тоже кое-что накрасил.

- Я серьезно. И волосы. Мне нужно было подкрасить волосы. Совсем не было времени. Все так неожиданно случилось с похоронами. (Мэрилин сдвинула шарф с головы и, отделив прядь, показала волосы, темные у основания.)

- Святая простота! А я-то всегда думал, что ты натуральная блондинка.

- Так и есть. Только таких натуральных не бывает. А вообще, пошел ты знаешь куда...

- О'кей. Все уже разошлись. Выходим.

- Фотографы еще там, я знаю.

- Если они не узнали тебя, когда ты вошла, не узнают и сейчас.

- Один узнал меня. Но я юркнула в дверь и он не успел снять меня.

- Тут должен быть какой-нибудь другой выход. Мы выйдем через заднюю дверь...

SEX-Символ ВЕКА

ТРУМЭН КАПОТЕ

- Я боюсь покойников.

- При чем тут покойники?

- Но это же похоронное заведение. Может, они у них там где-нибудь хранятся. Мне только этого сегодня не хватало - войти в комнату, полную покойников. Потерпи. Мы зайдем куда-нибудь, и я куплю бутылку шипучки.

Мы продолжили сидеть и разговаривать. Мэрилин сказала: "Я ненавижу похороны. Я рада, что мне не нужно будет присутствовать на собственных. Только я вообще не хочу похорон. Пусть мой пепел развеет над водой кто-нибудь из моих детей, если они у меня будут..." Заговорили о том, что оба любим Нью-Йорк и ненавидим Лос-Анджелес. "Хотя я и родилась там, я не могу вспомнить ничего хорошего об этом городе. Стоит мне закрыть глаза и представить Лос-Анджелес, как я вижу одну огромную варикозную вену". "Вот все говорят, что я не умею играть. То же самое говорят и про Элизабет Тейлор. Но это неправда. Она была великокопна в "Месте под солнцем". Мне, наверное, никогда не удастся получить роль, какую я хочу. Из-за моей внешности. Она специфическая". Мэрилин спросила, знаком ли я с Тейлор, и я сказал, что знаком, и она спросила, какая она на самом деле, и я сказал, что она немного напоминает тебя, также носит сердце на рукаве и также любит соленые словечки, и Мэрилин сказала, катись ты... и спросила, если меня кто-нибудь спросит, какая Мэрилин на самом деле, что я отвечу, и я сказал, что мне надо подумать.

- Ну как, можем мы наконец, черт возьми, выйти отсюда? Ты обещала мне шампанское, не забыла?

- Я помню. Но у меня нет денег.

- Ты вечно опаздываешь, и вечно у тебя нет денег. Не воображаешь ли ты случайно, что ты королева Елизавета?

- Кто?

- Королева Елизавета. Королева Англии.

- Причем здесь эта баба? (Хмурясь.)

- Королева Елизавета никогда не носит с собой денег. Ей запрещено. Грязные бумажки не должны пачкать королевских рук, у них на этот

счет есть даже какой-то закон.

- Я хочу, чтобы такой закон издали для меня.

- Продолжай в том же духе, может быть, и издадут.

- Ладно. А как она расплачивается за покупки? Ну когда идет в магазин.

- Ее фрейлина носит за ней мешок с медяками.

- Ты уверен? Бьюсь от заклад, ей все достается даром. В обмен на автограф... Ладно, послушай, у тебя нет денег?

- Долларов пятьдесят, может, и наберется.

- Этого вполне нам хватит на шипучку.

Когда мы вышли на Лексингтон-авеню, никого не было, кроме безобидных прохожих. Некоторые из них оборачивались, возможно, унавали ее, возможно, из-за траурного наряда. Заметив это, она рассмеялась тем своим особым тихим смехом, который звенел, как колокольчики на цирковом фургоне. "Может, мне нужно постоянно носить траур. Совсем неизвестна". Когда мы приблизились к одному бару и я предложил зайти, она запротестовала: "Там всегда полно идиотов-газетчиков... Эти писучие сучки меня ненавидят, и я не могу к этому привыкнуть. Но мужчины ко мне относятся хорошо. Они видят во мне человека". В одной витрине были выставлены старинные кольца, и Мэрилин сказала: "Симпатично. Гранат с мелким жемчугом. Я бы хотела носить кольца, но ненавижу, когда обращают внимание на мои руки. Они слишком пухлые. У Элизабет Тейлор тоже пухлые руки. Но с ее глазами кто обратит внимание на руки? Я люблю танцевать голый перед зеркалом и смотреть, как подпрыгивают груди. С этим у меня все в порядке". В другой витрине стояли старинные часы, и она сказала: "У меня никогда не было дома. Настоящего дома, с моей собственной мебелью. Если я когда-нибудь снова выйду замуж и разбогатею, я найму пару грузчиков и буду покупать все, что мне нравится. Я куплю дюжину таких часов и поставлю их все в одной комнате, чтобы они тикали все сразу..." Проходя мимо заведения гадалки, Мэ-

рилин сказала: "Иногда мне хочется узнать, что случится со мной. Но все-таки, я думаю, лучше не знать. Хотя есть две вещи, которые я хотела бы знать. Первая - смогу ли я похудеть".

- А вторая?

- Это секрет.

- Ладно тебе. У нас нет сегодня секретов. Сегодня день скорби, а скорбящие должны делиться самыми тайными мыслями.

- Ну хорошо. Это мужчина... И это все, что я могу тебе сказать.

Я подумал: "Это ты так считаешь, а я все равно узнаю твой секрет."

Мы зашли в ярко раскрашенный и пустой китайский ресторан.

- Я покупаю шампанское.

- Смешно. Как буд-то ты в Китае. А в баре "Ниагара" как будто на Ниагаре. Везде подделка, фальшь.

- Итак, я готов выслушать повесть о твоём тайном любовнике.

(Молчание.) Потом: "Это писатель".

- Значит, твой любовник писатель. Должно быть, какой-нибудь халтурщик, иначе ты не стеснялась бы назвать его.

- Прекрати!

- Официант, еще бутылку, пожалуйста!

- Ты надеешься развязать мой язык? (Пьет шампанское.) Ха! Ты знаешь, Джо (Монро тогда была в разводе со звездой бейсбола Джо ди Маджио) неплохой мужик.

зала: "Войдите". Я вошел. Она стояла перед плохо освещенным зеркалом и рассматривала свое отражение. Я спросил: "Что ты тут делаешь?" Она ответила: "Смотрю на нее". Она красила губы ярко-красной помадой. Сняла свой мрачный шарф и расчесала блестящие и тонкие, как сахарная "вата", волосы.

- Надеюсь, у тебя остались деньги.

- Смотря для чего. Если ты хочешь получить жемчуга в качестве контрибуции за обиду, то не хватит. Я решил больше не упоминать твоего Артура. (Артур Миллер - крупнейший драматург современности, живет в США. Стал мужем М.Монро в 1956 году и прожил с ней в браке несколько лет. - Ф.М.) Нет, всего только на такси. Так куда мы едем? В Голливуд?

- Нет, в место, которое я люблю. Узнаешь, когда приедем.

Мы поймали такси и она сказала, чтобы он ехал к пирсу. Мне сразу пришло в голову, что она наглоглась таблеток и свихнулась.

- Я надеюсь, мы не в плавании отправляемся. А что ты забыла на пирсе?

- Там пахнет морем. Там можно кормить чаек.

- Но чем? Ведь у нас ничего нет.

- А вот и есть. У меня полная сумка печенья. Я в ресторане стащила.

- Понятно. (Подначивая.) Пока ты сидела в сортире, меня могли арестовать. Ты на это и рассчитывала.

- Да брось ты! Из-за вонючего печенья.

Еще в форме. Если бы дело было только в этом, мы бы не разошлись. Я все еще люблю его. Он настоящий.

- Ну ладно, не таись, я и так знаю твое тщательное скрываемое чудо - Артур Миллер. (Она сняла темные очки. О если бы взгляды могли убивать.)

- Но как? Ведь никто не мог знать...

- Почему же? Уже давно мне рассказывал один журналист, что ты виснешь на Миллере, но я с тобой об этом не заговаривал, потому что я джентльмен.

- Джентльмен! Ты ублюдок. (Заикаясь от гнева, но очки уже на месте.) Это было давно и прошло.

- Не забудь пригласить меня на свадьбу.

- Если ты скажешь еще хоть одно слово, я убью тебя. Я знаю пару мужчин, которые будут рады оказать мне такую услугу. (Официант принес еще одну бутылку.)

- Скажи ему, чтобы он унес это обратно. Я не хочу больше. Я хочу уйти отсюда к черту.

Она расстроилась. Пока я расплачивался, она ушла в туалет, и я пожалел, что у меня нет с собой никакой книги: ее визиты в туалет длились всегда так же долго, как беременность у слоних... По прошествии двадцати минут я пошел на разведку. Черт знает, что с ней могло там произойти. Может, она приняла смертельную дозу наркотика, а может, перерезала себе вены. Я нашел нужную дверь и постучал. Она ска-

Выйдя из такси, мы увидели мужчину с чау-чау на поводке. Моя спутница подошла, чтобы погладить собаку.

Мужчина (твердо, но не враждебно):

- Чау гладить нельзя. Они могут укусить.

- Меня собаки не кусают. Только люди.

- Как вас зовут?

- Меня? Мэрилин.

- Я так и подумал. Моя жена не поверит. Не могли бы вы дать автограф? Все удивятся, когда я покажу это на работе. Не поверят, что я общался с самой Мэрилин.

Мы дошли до конца пирса и слушали шум волн.

- Когда-то я сама выпрашивала автографы. Иногда я все еще прошу. В прошлом году Кларк Гейбл сидел за соседним столиком в ресторане, и я попросила его надписать салфетку.

- Когда же мы будем кормить чаек? Я тоже голоден. Ведь мы с утра ничего не ели.

- Помнишь, я спросила тебя, чтобы ты сказал, если бы у тебя спросили, какая я, Мэрилин Монро, на самом деле, как бы ты ответил? (Ее тон был намешлив, но в то же время серьезен...) Бьюсь об заклад, ты бы сказал, что я бездарность. Банановая кожура.

- Я бы сказал, что ты прелестное дитя.

Перевод с английского Арк. Гаврилова

1998
Momo
Mepmsh

10.10.98